

ФИЛОСОФИЯ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.1.1-82-99

УДК 111+141

О ПОНЯТИИ КОРРЕЛЯЦИОНИЗМА: К. МЕЙЯСУ, Г. ХАРМАН, Р. БРАССЬЕ

Девайкин Игорь Александрович,
*аспирант кафедры онтологии и теории
познания МГУ им. М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, г. Москва, Ленинские горы, 1*
ORCID: 0000-0001-8938-9566
Igor.devaykin@mail.ru

Аннотация

Зачастую спекулятивный реализм принято связывать с группой мыслителей, сознательно объединившихся вокруг идеи борьбы с общим врагом – корреляционизмом. В статье обосновывается тезис, согласно которому среди спекулятивных реалистов отсутствует согласие насчет как корреляционизма, так и способов его преодоления. На материале работ Мейясу, Хармана и Брассье демонстрируется, что их интерпретации корреляционизма и программы его опровержения несовместимы. Выдвигается предположение, что следствием такой неконгруэнтности концепта корреляционизма является уличение друг друга в корреляционизме у философов данного направления.

Эксплицируется понятие «эпохи корреляции» Мейясу. С точки зрения Брассье, Мейясу не удастся обосновать тот антикорреляционистский тезис, что человеческое мышление способно познавать асубъектное бытие. Наоборот, Мейясу в очередной раз подчиняет это бытие мышлению и поэтому остается корреляционистом. Харман также обвиняет Мейясу в корреляционизме за его антропоцентризм.

Проясняется хармановский концепт «философии доступа». Устанавливается, что понятия корреляционизма в интерпретации Хармана и Мейясу не могут быть до конца совместимы. Выявляется, что Харман для Мейясу остается философом эпохи корреляции. Во-первых, он нелегитимно приписывает нечеловеческому существу человеческие характеристики. Во-вторых, не принимает корреляционистский аргумент «круга» и сохраняет кантовскую метафизическую дихотомию ноуменального – феноменального. Брассье также считает Хармана корреляционистом, поскольку тот онтологически уравнивает естественно-научное знание и научную рациональность с другими видами познания.

Выявляются основные черты корреляционизма в интерпретации Брассье. Устанавливается, что для Мейясу подход Брассье является корре-

ляционистским на том же основании, что и хармановский. Харман, в свою очередь, рассматривает Брассье как корреляциониста, поскольку последний постулирует различные онтологические таксономии, самые явные среди которых – приоритет научной рациональности и антропоцентризм. По результатам проделанной работы подчеркивается, что спекулятивные реалисты отнюдь не едины в отношении своего понимания корреляционизма и способов ниспровержения этой философской программы.

Ключевые слова: корреляционизм, эпоха корреляции, философия доступа, Р. Брассье, К. Мейясу, Г. Харман, современная онтология, вещь-в-себе.

Библиографическое описание для цитирования:

Девайкин И.А. О понятии корреляционизма: К. Мейясу, Г. Харман, Р. Брассье // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14, № 1, ч. 1. – С. 82–99. – DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.1.1-82-99.

Введение

«Корреляционизм» – один из самых обсуждаемых терминов современной континентальной философии. Как правило, выработку этого понятия связывают с движением спекулятивного реализма, к которому относят таких философов, как Квентин Мейясу, Грэм Харман, Рэй Брассье и Йен Грант. Поскольку на данный момент концепт корреляционизма наиболее разработан в текстах Мейясу, Хармана и Брассье, здесь предлагается сосредоточиться на трудах этих авторов.

Принято считать, что среди названных философов существует согласие в отношении как определения корреляционизма, так и способов борьбы с ним. Повод к этому дают и сами герои нашего исследования. Например, Харман считает, что то, что он называет «философией доступа», вполне заменяемо понятием корреляционизма. «Я предпочитаю термин Мейясу собственному из-за его экономичности», – пишет Харман [10, с. 41]. Нечто подобное говорит и Мейясу: «Термином “корреляция” я хотел продемонстрировать важнейший аргумент этих “философий доступа”, как их называет Харман» [14, с. 409]. Проблема состоит в том, что данные понятия не являются полностью эквивалентными. Более того, как будет показано далее, «философия доступа» и «корреляционизм» в определенном смысле вообще противоречат друг другу. Кроме того, мы увидим, что в этом споре фигура Брассье стоит особняком, поскольку его позиция конфликтует как с хармановским, так и мейясуистским подходом к корреляционизму. Вероятно, симптомом такой неконгруэнтности является то, что спекулятивные реалисты, изначально объединяемые идеей борьбы с корреляционизмом, зачастую уличают друг друга в этом самом корреляционизме. По ходу рассуждения моменты этой обоюдной критики будут рассмотрены подробнее.

Концепт «корреляционизма» в философии Мейясу

Мейясу реконструирует историю корреляционизма и достаточно подробно разбирает философскую аргументацию этого направления. Сначала исследуем то, как Мейясу понимает корреляционизм и каким образом предлагает его преодолевать, а затем проанализируем критику мейясуистского подхода со стороны других спекулятивных реалистов.

Термин «корреляционизм» был предложен Мейясу в «После конечности». Однако затем в «Iteration, Reiteration, Repetition: A Speculative Analysis of the Meaningless Sign» Мейясу вводит более широкое понятие – «эпоха корреляции», в которое наряду с корреляционизмом включается «субъектализм». Начнем с термина «субъектализм», который означает, согласно Мейясу, абсолютизацию самого мышления либо какого-то аспекта мышления, будь то воля, аффект, жизнь и т. д. Помимо этого, субъектализм отрицает понятие реальности, существующей независимо от субъекта. Вследствие чего абсолютизированная черта человеческого мышления (или само мышление) становится реальностью. Зарождение субъектализма Мейясу преимущественно связывает с Беркли, а развитие этого направления – с философией Гегеля, Шопенгауэра, Ницше, Бергсона и Делеза. На примере Беркли ясно, что, отрицая независимую от субъекта реальность, философ превратил всё сущее в совокупность духов, коммуникация между которыми скоординирована Богом. Именно в этом жесте отказа от внесубъективной реальности и абсолютизации человеческого духа Мейясу видит в Беркли главного предтечу субъектализма.

Итак, эпоха корреляции – это «постберклианская эра, которая, с одной стороны, пошла в сторону корреляционизма, с другой – субъектализма» [16]. Как ясно из цитаты, кроме субъектализма Беркли внес вклад в становление корреляционизма. Речь о том, что философ, во-первых, передал антиреалистический пафос всей последующей европейской мысли, во-вторых, снабдил философию «аргументом круга». По ходу статьи мы будем неоднократно обсуждать этот аргумент. Если кратко, то тезис круга означает, что всякое суждение о реальности невозможно без *полагания* этой реальности. Иными словами: нет *X* без *мысли* об *X*. В определенной степени такой способ работы с реальным разрабатывает Кант, а в особенности посткантовская философия. Однако Кант не отрицает существование в-себе, он только говорит, что оно непознаваемо. И всё же, несмотря на существование в-себе, Кант предлагает сделать основным предметом теоретической философии *условия мыслимости* для-себя. А способ установления таких условий (трансцендентальную дедукцию) требует понимать не обязательно, фактично. Получается, сам метод, который *абсолютно* не имеет никакого основания, гарантирует выведение необходимых априорных структур,

являющихся предельным основанием любого опыта. Таким образом, трансцендентальный аппарат необходим, а порядок его выведения – нет. Данное положение составляет, как мы знаем, одно из ключевых отличий кантовской философии от догматической метафизики.

По мнению Мейясу, в философии Канта (зависимой от Беркли) мы получаем базовую схему, которая доминирует в европейской философии по сей день. Такой механизм называется корреляционизмом. Мейясу пишет, что «до Канта одной из основных философских проблем было как помыслить субстанцию, в то время как после Канта – как помыслить корреляцию» [5, с. 12]. «Под “корреляцией” мы понимаем идею, согласно которой мы можем иметь доступ только к корреляции между мышлением и бытием, но никогда к чему-то одному из них в отдельности. Мы будем называть “корреляционизмом” любое направление мысли, которое утверждает непреодолимый характер корреляции, понятой таким образом» [5, с. 11]. *Корреляция* есть принадлежность полюсов, т. е. связь первичная в отношении самих членов, которые она связывает. Следовательно, основной поворот, который совершил Кант, с точки зрения Мейясу, состоит в том, что философия перестала познавать мир сам по себе и сместила акцент на исследование того, как мир дан субъекту. Вместо вещей-в-себе философию с этих пор интересуют «буферные зоны», расположенные между неустойчивыми полюсами (будь то полюс субъект/объект, я/не-я, ноэмоэтическое и т. д.)

Кантовский трансцендентализм, согласно Мейясу, предложил новый тип мышления, который включает в себя, во-первых, аргумент круга, т. е. сведение в-себе к для-себя; во-вторых, примат отношения перед членами отношений; в-третьих, фактичность этого отношения. Имеется, однако, существенное отличие кантовского корреляционизма от посткантовского, и состоит оно в том, что зачинатель трансцендентальной философии признавал мыслимость в-себе. На этом основании Мейясу характеризует кантовский вариант корреляционизма как «слабый». И по тому же критерию выделяет «сильный» корреляционизм как тот, который не выносит суждения о статусе существования в-себе, а концентрируется исключительно на создании моделей («буферных зон», «зазоров») для осмысления корреляции. К таким формам корреляции, кроме трансцендентального аппарата, относятся язык, культура, история, сознание и т. д. Другим отличием сильной версии является то, что она более эксплицитно постулирует фактичность мышления, чего, скажем, не происходило с трансцендентальным субъектом, поскольку в качестве явно фактической Кантом рассматривалась только трансцендентальная дедукция, но не мышление. Трансцендентальное априори в слабом корреляционизме мыслилось как неизменное и необходимое, тогда как сильная версия постулирует произвольность мышле-

ния и его зависимость от внешних сил (что мы можем видеть, например, в истории бытия Хайдеггера, в идеях постструктурализма и постмодернизма). В целом сильный корреляционизм сегодня является наиболее распространенной позицией в европейской философии.

Теперь обратимся к тому, как Мейясу опровергает корреляционизм. Напомним, эпоха корреляции включает в себя корреляционизм (в его сильной и слабой версии) и субъектализм. Мейясу утверждает, что сильный корреляционист преодолевает субъектализм, поскольку с его стороны нечего возразить на аргумент от фактичности корреляции. Так, например, подход Гегеля как субъекталиста, абсолютизовавшего мышление, опровергается тем, что указывается на случайность, *ненеобходимость* самого мышления, которое гипертрофировал философ. Фактична любая форма корреляции (культура, язык и т. п.), но для сильного корреляциониста это закрывает доступ к в-себе, т. е. указывает на принципиальное незнание. Сильный корреляционист, в принципе, понимает, что корреляция не имеет основания, но он это рассматривает как недостаток. Мейясу же, соглашаясь с фактичностью корреляции, предлагает рассмотреть эту *фактичность, ненеобходимость как знание*. Таким образом, Мейясу солидаризируется с сильным корреляционизмом, но делает еще один шаг – превращает фактичность в знание о в-себе (в фактуальность). Мейясу полагает, что этим философским маневром ему удастся закрыть эпоху корреляции и открыть новый способ мыслить в-себе. Абсолютная ненеобходимость или отсутствие достаточного основания, согласно Мейясу, и есть реальность, независимая от субъекта. Доступ же к такой асубъектной реальности (т. е. в-себе) обеспечивается человеческой «интеллектуальной интуицией». Кроме того, Мейясу постоянно подчеркивает, что в-себе и интуиция, его постигающая, носят неметафизический характер. Посредством открытия в-себе как абсолютного отсутствия достаточного основания, считает Мейясу, удастся преодолеть метафизику. Таким образом, философ уверен, что он выходит за пределы эпохи корреляции, открывая в последней некорреляционистское ядро, которое постоянно упускала философия. Мейясу утверждает, что именно люди посредством интеллектуальной интуиции могут схватывать некорреляционное бытие, если будут мыслить фактичность корреляции как знание. Мейясу демонстрирует нам своими замысловатыми рассуждениями то, каким образом человеческое мышление способно мыслить в-себе, т. е. ту асубъектную реальность, которая была недоступна для познания, начиная с Беркли и Канта.

Мы видим, что корреляционизм имеет свою историю и специфический способ философской аргументации. Пожалуй, никто из спекулятивных реалистов не уделяет столько внимания разработке концепта корреляционизма, как Мейясу. По словам А.В. Морозова, «в борьбе с корреля-

ционизмом Мейясу решает радикализировать корреляционизм изнутри, то есть взойти до оснований корреляционизма и ниспровергнуть их» [6]. Именно в этом пункте подход Мейясу встречает критику. Так, Харман считает, что «из всех спекулятивных реалистов только Мейясу не выказывает открытой враждебности корреляционизму» [11, с. 136]. Позволим себе не согласиться с Харманом, поскольку, судя по текстам Мейясу, именно тема опровержения корреляционизма оказывается для французского философа центральной в деле обоснования научного знания, построения онтологии, создания новой рациональности и т. д. Более точно суть данной претензии выразил Брассье (с ней согласен и Харман): «Мейясу хочет, чтобы мы восхищались высоким трансценденталистским вариантом аргумента “Перла” (аргументом круга. – *II. Д.*)» [1]. Брассье и Харман не рассматривают корреляционистский круг как серьезное препятствие для реалистической философии. Позже мы покажем, каким образом они критикуют этот аргумент. Но далее мы также увидим, что, с точки зрения Мейясу, проекты Хармана и Брассье являются корреляционистскими именно потому, что остаются опровержимы аргументом круга.

Кроме того, Харман и Брассье рассматривают концепцию интеллектуальной интуиции Мейясу как корреляционистскую. Критику этой идеи со стороны Брассье можно резюмировать так: Мейясу не удалось доказать, что человеческое мышление в действительности дотягивается до бытия, которое от неё не зависит. Мейясу, согласно Брассье, «продолжает подчинять непонятную реальность понятию абсолютной контингентности (фактуальности. – *II. Д.*)» [12]. И в целом из подхода Брассье можно заключить, что «интеллектуальная интуиция, на которую полагается Мейясу в своих онтологических утверждениях, восстанавливает корреляционистскую парадигму в самом сердце предполагаемого им спекулятивного материализма» [4].

Харман также трактует мейясуистскую интеллектуальную интуицию как рудимент корреляционизма. Однако Харман исходит в такой критике из базовой посылки своей философии – отрицания всяких таксономий. Мейясу подчеркивает в своих текстах, что сегодня нам известно только одно сущее, способное к интеллектуальной интуиции, – это человек. Конечно, настаивая на антропоцентризме, Мейясу фундирует дихотомию человек/мир. «Эта нововременная таксономия и по сей день продолжает функционировать в работах таких выдающихся европейских философов, как Жижек, Бадью и Мейясу» [9, с. 245]. «Действительно ли разрыв между бактериями и дельфинами столь незначителен по сравнению с разрывом между дельфинами и людьми?» – пишет Харман [10, с. 263]. С точки зрения Хармана, любая философия, не являющаяся плоской, неизбежно коллапсирует в корреляционизм, что относится и к антропоцентристскому подходу Мейясу.

Среди трех центральных фигур этой статьи Мейясу предлагает самый разработанный концепт корреляционизма и наиболее изошренную философскую стратегию преодоления этой программы. Однако мы видим, что именно чрезмерное внимание Мейясу к корреляционизму и выдает, с точки зрения Брассье и Хармана, в их коллеге корреляциониста; эту критику мы рассмотрели на примере приверженности Мейясу аргументу круга («Перла»). Другим поводом для обвинения Мейясу в корреляционизме является предлагаемая им интеллектуальная интуиция и связанный с ней философский антропоцентризм.

Понятие «философии доступа» у Хармана

Свой термин «философия доступа» Харман использует как синоним корреляционизма. Действительно ли эти понятия взаимозаменяемы?

Харман не ставит перед собой проблему преодоления корреляционизма так жестко, как Мейясу. Если для Мейясу философский реализм невозможен внутри корреляционизма, то Харман считает, что не стоит прикладывать титанических усилий для борьбы с корреляционизмом. Вселенная Хармана состоит из объектов как вещей-в-себе, среди которых человек только один из бесконечного числа объектов. Такая онтология получила название «плоской», поскольку она располагает все объекты на одном уровне, будь то футбольная команда, число пи, черная дыра, люди, единороги... Философия Хармана – это метафизика, поэтому она не видит трудности в том, что полагать сущее по ту сторону мышления и настаивать на том, что такое сущее, является реальным. Вообще, подобное метафизическое постулирование нечеловеческих ноуменов, онтологически равных человеку, и является для Хармана способом ниспровержения корреляционизма.

«Сколь интересны бы мы ни были сами себе, очевидно, мы никоим образом не являемся центром космической драмы, будучи заброшенными на планету среднего размера рядом с заурядным светилом и ограниченными крохотной частью истории вселенной» [11, с. 69]. Харман считает, что философия по сей день «занята исключительно относительным зазором между “человеком” и “миром” – даже если она отрицает существование такого зазора» [8]. Объекты в плоской онтологии вступают друг с другом в странные отношения, которые и исследует хармановская философия. Буферные зоны, или «зазорь», – «один из главных предметов объектно-ориентированной философии» – пишет Харман [7, с. 16]. Дмитрий Кралечкин пускай и с долей насмешки, но достаточно точно подмечает, что у Хармана «кантианство не столько уничтожается, сколько рассеивается по универсуму в качестве своеобразных вредоносных спор» [3]. Итак, человеческие и нечеловеческие ноумены создают между собой буферные зоны, прояснением которых должна заниматься философия, по мысли Хармана. Можно

заметить, что в терминах Мейясу Харман стоит на позиции «слабого» корреляционизма.

Чем же обосновывает Харман то утверждение, что мир не редуцируем к человеческой оптике? Следует думать, тем, что у антропоцентристских философий нет необходимого основания, чтобы утверждать онтологическое преимущество мышления перед другими формами сущего. В самом деле, тот же трансцендентализм Канта пускай и помещал человека в центр философии, но отнюдь не предполагал, что человек является необходимым сущим. Выходит, что здесь аргументация Хармана строится от противоположного: не существует абсолютного обоснования для привилегированного положения человеческих характеристик (мышления, воли, чувства и т. п.) перед свойствами других сущих. Следовательно, по мнению Хармана, главное заблуждение современной философии состоит в том, что она продолжает догматически наследовать корреляционистскую дихотомию человек/мир.

«Философия доступа желает, чтобы философия была мудрствованием о мышлении, тогда как на самом деле она – *любовь* к мудрости о том, что лежит *за пределами* мысли» [11, с. 74]. Но как, метафизическим образом полагая сущее вне мышление, Харман отвечает на аргумент от круга (аргумент «Перла»)? Дело в том, что философ изначально не соглашается с этим аргументом, в отличие от Мейясу, который, как мы видели, всерьез принимает этот тезис и стремится преодолеть его изнутри. Харман говорит, что из аргумента от круга «может следовать два вывода, притом один из них будет более сильным, а другой – более слабым. Сильный вывод заключается в том, что в действительности не существует *ничего* за пределами связанности человек – мир... Более слабая и более скептическая позиция – та, что мы не можем знать, существует ли что-либо вне пары человек – мир, а потому мы не способны продвинуть наше мышление за ее пределы; всякое мышление в действительности имеет предметом только мысль» [11, с. 71]. Сильная версия, утверждает Харман, легко опровергается указанием на то, что из ее тавтологической посылки (нет моей мысли о *X* вне моего мышления) нельзя сделать нетавтологический вывод о несуществовании *X* за пределами моего мышления. Насчет слабой версии Харман говорит, что, отказываясь от вынесения суждений о существовании внешнего мира, скептик «немедленно превращается в абсолютного идеалиста, поскольку выражение “вещи-в-себе” освобождается от всех возможных смыслов, и это лишь еще один способ сказать “вещи-для-нас”» [11, с. 72]. Представляется, Харман хочет сказать, что слабая версия на самом деле является сильной и, соответственно, опровержима тем же способом (т. е. указанием на нелогичность вывода из тавтологической предпосылки нетавтологического утверждения). Харман резюмирует: «Я утверждаю, что круг человек – мир вовсе лишен аргументирующей силы» [11, с. 71].

Корреляционизм в прочтении Хармана преимущественно подразумевает любую антропоцентричную философию, сводящую вселенную к отношению человек – мир. В качестве опровержения философии доступа Харман предлагает исследовать сосуществование нечеловеческих объектов. Является ли такая философия действительным выходом за пределы корреляционизма? С точки зрения Мейясу, нет. По его мнению, Харман «типостазировывает наше субъективное отношение к вещам, проецируя его в сами вещи» [16], а потому его философия является субъектализмом и, следовательно, принадлежит эпохе корреляции. В этом смысле ключевой ход Хармана, направленный на трансгрессию корреляционизма, не срабатывает. Если продолжать логику Мейясу, то неудача Хармана связана с тем, что тот отказывается развивать аргумент круга и опровергать посредством него метафизику. Для Хармана, как мы видели, метафизика является отправным пунктом философствования, а тезис круга изначально отвергается. В таком случае можно согласиться с Н. Янгом в том, что «позиция Хармана заключается скорее в отказе от проблемы “доступа”, а не в ее опровержении» [18]. Из сказанного также можно сделать вывод, что понятия корреляционизма в интерпретации Хармана и Мейясу ошибочно рассматривать в качестве полностью эквивалентных.

Далее мы увидим, что Харман критикует аргумент круга схожим с Брассье образом, и в этом философы сближаются в своем отношении к корреляционизму. Однако, как будет показано, для Брассье ведущим способом опровержения корреляционизма является обращение к естественно-научному знанию и научной рациональности; данные формы работы с реальностью обладают для Брассье онтологическим приоритетом. В связи с этим Брассье рассматривает философию Хармана как такую, где «разум становится всего лишь еще одним видом чувственности (*sentience*), причем уж точно не привилегированным» [1], и потому «под хармановским контролем спекулятивный реализм лишь усиливает пренебрежение рациональностью, философской или научной» и «становится ... “экстравагантным дядюшкой корреляционизма”» [2].

Таким образом, мы установили, что Харман понимает под философией доступа и как он предлагает преодолеть эту философскую стратегию. Также было рассмотрено отношение Хармана к базовому корреляционистскому аргументу круга. Кроме того, нами было прояснено соотношение интерпретаций корреляционизма у Хармана и Мейясу. Затем мы эксплицировали критику, которая дала повод Брассье и Мейясу маркировать хармановский проект как корреляционистский.

Понятие корреляционизма в философии Брассье

Если в случае Мейясу и Хармана мы имеем негативное отношение к корреляционизму, то с Брассье ситуация несколько сложнее. Дело в том,

что взгляд Брассье на корреляционизм менялся. Так, в книге «Nihil Unbound» Брассье считает необходимым преодоление корреляционизма, но спустя время взгляды Брассье эволюционируют и он встает на защиту определенной версии корреляционизма. Рассмотрим интерпретацию корреляционизма в оба периода работы Брассье.

В «Nihil Unbound» Брассье развивает мейсуистскую критику корреляционизма через обращение к философии Ларуэля. Брассье считает, как мы показали ранее, что Мейясу подчиняет реальность человеческой мысли. Для решения этой трудности, полагает Брассье, следует задействовать концепт «Реального» Ларуэля. С точки зрения Брассье, Реальное – это некорреляционистский режим, в котором не мышление подчиняет себе объект, а, наоборот, происходит детерминация мысли самим объектом. Такое некорреляционное Реальное Брассье связывает с конкретным космологическим событием вымирания. Тепловая смерть Вселенной или Большой разрыв, которые в будущем произведет темная энергия, являются некорреляционными горизонтами, доступными для мысли уже сейчас. Наше неизбежное фактическое вымирание не может быть эмпирически схвачено (скоррелировано), поскольку оно является тем самым Реальным, которое объективно детерминирует нашу мысль. Исследователь спекулятивного реализма Питер Граттом комментирует это: «Таким образом, мысль, в конечном счете, лишена цели, и это обеспечивает “интеллигибельность”, как только мы осознаем вымирание» [15]. Следовательно, способом ниспровержения корреляционизма для «раннего» Брассье является постулирование горизонта космологической конечности. «Всё уже мертво», – говорит философ. Если мы можем мыслить отсутствие корреляции в перспективе вымирания, то, значит, корреляции уже не существует.

Реальное, однако, исследует не только философия, но и естественные науки. Брассье пишет: «На самом деле почти всё, чему учат нас науки о мире, похоже, указывает на ложность корреляционизма: в то время как последний продолжает настаивать на недетерминированности жизни и мышления, первая (т. е. наука. – П. Д.) терпеливо накапливает доказательства их периферийного и преходящего статуса» [12, с. 63]. Согласно научному дискурсу «мы окружены процессами, происходящими независимо от любого отношения, которое мы можем с ними иметь: таким образом, тектоника плит, термоядерный синтез и расширение галактики (не говоря уже о неоткрытых запасах нефти или неизвестных видах насекомых) являются такими же автономными, независимыми от человека реальностями, как и аккреция Земли» [12, с. 59]. Получается, по Брассье, сегодня мы уже обладаем некорреляционным дискурсом, который высказывается о мире без людей, – это естественные науки.

В таком случае современной мысли стоит ориентироваться на натуралистический подход. Поэтому философии, если она хочет быть некорре-

ляционистской, следует серьезней относиться к результатам современных наук и особенно нейронаук, ведь последние высказывают истины о нашем мышлении. Задача философии здесь, как ее видит Брассье, заключается в том, чтобы заменять наши повседневные психические представления о самих себе научными образами. Анतिकорреляционизм означает работу по взламыванию нашего корреляционистского эмпирического образа фактами науки. Отсюда следует, что «философия не является ни способом утверждения, ни источником оправдания, но, скорее, органом вымирания» [12, с. 239]. Таким образом, некорреляционистская работа философии, по мнению Брассье, должна заключаться в постепенной элиминации антропоцентричного взгляда на реальность посредством обращения к естественным наукам, и нейробиологии в первую очередь. Анतिकорреляционистский проект Брассье – это нигилизм, поддерживающий нас в состоянии перманентного разочарования в отношении антропной (корреляционистской) оптики.

К настоящему времени как понимание, так и отношение к корреляционизму у Брассье изменилось. Философ пишет: «Я не верю, что корреляционизм абсолютно “плохая вещь” ... и я усвоил важность защиты “хорошей”, эпистемической формулировки корреляционизма от его “плохой”, скептической версии» [2]. И затем комментирует это высказывание: «Неудача в проведении этого различия исказила мое обсуждение Мейясу в “Nihil Unbound”, где я слишком потакал себе в беспорядочной антикорреляционистской риторике, и о чём я сейчас сожалею» [2]. Если рассматривать более детально, то главное отличие состоит в том, что Брассье, отказываясь от жесткой критики корреляционизма, занимает прокантовские позиции и стремится актуализировать классические метафизические и эпистемологические вопросы: что такое реальность, знание, и как мы познаем? А в плане интеллектуальных предпочтений у Брассье происходит сдвиг ориентиров от континентальной к аналитической философии.

Обратимся к «позднему» тексту Брассье «Понятия и объекты». Судя по этой работе, нельзя сказать, что интерпретация в ней корреляционизма сильно отличается от мейясуистской. Но различия существуют, и заключаются они в том, что Брассье более спокойно, чем Мейясу, относится к кантовской метафизике и ее разделению на в-себе и для-нас. Помимо этого, Брассье делает акцент на том, что корреляционизм приводит к дефляции классических онтоэпистемологических вопросов. С его точки зрения, современные корреляционизмы растворяют эти вопросы либо в исследовании контекстов (культурных, политических, социальных и т. д.), либо в изучении практических отношений и связей. В первом случае имеются в виду постмодернизм и различные виды конструктивизмов, во-втором – теория Латура. Все современные корреляционизмы, по мысли Брассье,

имеют общую черту, они отрицают в-себе посредством аргумента круга. Брассье рассматривает данный тезис в интерпретации Д. Стоува, который назвал этот аргумент Перлом. Фактически Брассье интерпретирует корреляционизм как Мейясу, но критикует корреляционизм, скорее, как Харман: Брассье также не принимает тезис круга, но стремится опровергнуть его, чтобы сохранить в-себе.

Рассмотрим то, как Брассье преодолевает корреляционизм в статье «Понятия и объекты». Корреляционист утверждает, что всякую вещь, которую он мыслит, он не может мыслить вне своего мышления, а потому вещей самих по себе не существует. Брассье считает, что этот аргумент кажется убедительным лишь в силу того, что в нем происходит имплицитная подмена понятия реальной вещи на вещь-для-нас. Например, если я скажу: «Я мыслю Сатурн», то здесь я буду высказываться о Сатурне-в-себе, а затем скажу, что «Сатурна-в-себе не существует, поскольку я не могу мыслить Сатурн, не мысля его», то это будет логической ошибкой, поскольку я произвольно заменяю в-себе понятием для-нас и только на этом основании утверждаю, что никакого в-себе не существует. То есть я как корреляционист произвожу бездоказательное смешение порядков в-себе и для-нас. Брассье пишет: «Первым людям, указавшим на Сатурн, не нужно было знать, что это такое, и они, несомненно, ошибались в том, что это такое: им не нужно было знать, чтобы указывать» [1]. И другой пример: «Тот факт, что я не могу думать о необитаемой местности, не мысля ее, вовсе не означает, что эта местность становится обитаемой просто из-за того, что я о ней подумал. Верно, конечно, что я не могу думать о пустыне Руб-эль-Хали, не думая о ней; но из этого не следует, что она населена моим мышлением о ней» [1]. Таким образом, Брассье показывает, что в-себе и для-себя являются разными рядами, которые нелегитимно смешивает корреляционизм.

Основываясь на этих рассуждениях, Брассье делает вывод: «При всем уважении к Мейясу бремя доказательства лежит на корреляционизме, а вовсе не на трансцендентальном реализме» [1], в то же время «привлекательность корреляционизма объяснима факторами, слабо или никак не связанными с его логической честностью, – это одновременно эмоциональные (защита ценности за счет подрыва факта), психологические (сведение мира нечеловеческого к размерности человека) и политические (онтологическое введение политики, компенсирующее ее подмену менеджментом в сфере публичного) факторы» [1].

Развенчание базового корреляционистского аргумента, как считает Брассье, позволяет, с одной стороны, вновь поставить метафизический вопрос о реальности и знании, с другой – защитить научный дискурс и рациональность от корреляционистских посяганий. Восстановление эпистемологической связки мышление/ощущение и метафизической объекты/

понятия является для Брассье способом избавления от негативных эффектов современного корреляционизма. Путем выхода за пределы корреляционизма по-прежнему для Брассье остаются естественные науки, которые имеют привилегированный статус, так как высказываются о некорреляционном в-себе. Так, нейронауки – онтологически связанные не с мифическим порядком феноменального представления, но с реальными вещами в-себе – предоставляют нам научные образы самих себя и мира вне нас. «Таким образом, критика корреляционизма Брассье соединяется с философским натурализмом, научным реализмом и “трансцендентальным нигилизмом”, что одновременно составляет научное и рациональное мировоззрение» [17].

В текстах Хармана и Мейясу сложно найти прямые высказывания о Брассье как корреляционисте. В то же время, исходя из ранее изложенного, мы догадываемся, что, с точки зрения Мейясу, подход Брассье будет корреляционистским, поскольку, во-первых, не принимает аргумент круга, во-вторых, восстанавливает метафизическую дихотомию в-себе/для-нас. Если попытаться занять позицию Хармана, тогда философия Брассье тоже будет корреляционистской, так как постулирует различные онтологические таксономии. Самые явные среди них: во-первых, приоритет наук и рационального мышления перед другими видами познания, во-вторых, философский антропоцентризм, который особенно заметен по статье Брассье «Prometheanism and its Critics» [13].

Заключение

Из вышесказанного следует, что интерпретация корреляционизма в текстах трех представителей спекулятивного реализма серьезно отличается. Так, мы показали несовместимость понятий корреляционизма у философов, чьи имена из группы спекулятивных реалистов наиболее известны отечественному читателю: Харман и Мейясу. Первое основное отличие в интерпретации корреляционизма у названных философов состоит в том, что Мейясу соглашается с аргументом круга, но, преодолевая его изнутри, создает антропоцентричную некорреляционистскую философию. Харман, в свою очередь, изначально не принимает аргумент круга и стремится выстроить неантропоцентричную философию. Другое расхождение заключается в том, что Харман считает кантовское разделение на ноуменальное и феноменальное философски продуктивным, поскольку его можно распространить на всё сущее, что и обеспечит ниспровержение корреляционизма. В пик этому Мейясу отвергает данное кантовское разделение, обращаясь к аргументу круга, как это делала вся посткантовская философия. Трансгрессия корреляционизма, по Мейясу, возможна только в том случае, если субъект посредством радикализации круга придет к возможности познания не-

корреляционного в-себе. Сохранение метафизической дихотомии в-себе и для-себя, по Мейясу, необходимо является корреляционизмом; в свою очередь, для Хармана любой антропоцентризм не может не быть корреляционизмом. Исходя из такой перспективы, можно сказать, что концепты корреляционизмов этих двух философов неконгруэнтны. С точки зрения Мейясу, Харман является корреляционистом, а с позиции Хармана – Мейясу.

Как мы видели, в этом вопросе фигура Брассье стоит особняком, поскольку в чём-то его интерпретация корреляционизма напоминает хармановскую, а в чём-то – мейясуистскую, и с обоими подходами Брассье также вступает в противоречие. Брассье, как и Харман, защищает ноуменальное, но для Брассье оно познается исключительно естественными науками, что, по Харману, будет онтологической таксономией и потому коллапсированием в корреляционизм. Также Брассье стремится, подобно Мейясу, утвердить человеческое мышление в качестве инстанции, мыслящей некорреляционное в-себе. Но в понимании Мейясу фактуальное в-себе не имеет ничего общего с метафизическим в-себе Брассье, и, следовательно, позиция последнего будет для Мейясу корреляционистской. В свою очередь, Харман является для Брассье корреляционистом, поскольку производит дефляцию естественно-научного знания, а именно научная рациональность является для Брассье дискурсом, производящим высказывание о некорреляционном в-себе. Помимо этого, с точки зрения Брассье, Мейясу остается корреляционистом, поскольку подчиняет некорреляционную реальность человеческому мышлению.

Порой у Хармана и Брассье, не говоря уже о широкой философской аудитории, можно встретить высказывания о том, что концепт корреляционизма является связующей идеей спекулятивного реализма. Прделанной работой мы попытались показать, что считать так попросту ошибочно. И потому мы полагаем, что всякое употребление термина «корреляционизм» в контексте рассматриваемого направления стоит сопровождать уточнением того, о каком именно корреляционизме идет речь: о корреляционизме в интерпретации Мейясу, Хармана или Брассье.

Литература

1. Брассье Р. Понятия и объекты // Логос. – 2017. – Т. 27, № 3 (118). – С. 227–262.
2. Брассье Р. Спекулятивная аутопсия / пер. с англ. П. Борисова // Сигма. – 2016. – 14 июня. – URL: <https://syg.ma/@pavelborisov/rei-brassie-spiekuliativnaia-autopsiia> (дата обращения: 01.02.2022).
3. Кралечкин Д. О сургуче и капусте // Логос. – 2014. – № 4 (100). – С. 293–318.
4. Ло Д. Две онтологии материализма: от не-философии к философии / пер. с англ. К. Майоровой // Гефтер. – 2015. – 22 июня. – URL: <http://gefter.ru/archive/15520> (дата обращения: 01.02.2022).

5. *Мейясу К.* После конечности: эссе о необходимости контингентности / пер. Л. Медведевой. – М.: Кабинетный ученый, 2016. – 196 с.
6. *Морозов А.В.* Неопрагматизм и спекулятивный реализм // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. – 2020. – Т. 5, № 2. – С. 129–136. – DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-2-129-136.
7. *Харман Г.* Weird-реализм: Лавкрафт и философия / пер. с англ. Г. Коломойца и П. Хановой. – Пермь: Гиле Пресс, 2020. – 258 с.
8. *Харман Г.* О замещающей причинности // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 2 (114). – С. 75–90.
9. *Харман Г.* Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего» / пер. с англ. М. Фетисов. – М.: Ад Маргинем, 2021. – 272 с.
10. *Харман Г.* Спекулятивный реализм: введение / пер. с англ. А.А. Писарева. – М.: Рипол классик, 2020. – 290 с.
11. *Харман Г.* Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера / пер. с англ. А. Морозова и О. Мышкина. – Пермь: Гиле-Пресс, 2015. – 147 с.
12. *Brassier R.* Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction. – London: Palgrave Macmillan, 2007. – 275 p.
13. *Brassier R.* Prometheism and its Critics // #Accelerate: The Accelerationist Reader. – Oxford: Urbanomic, 2014. – P. 467–489.
14. *Speculative Realism / R. Brassier, I.H. Grant, G. Harman, Q. Meillassoux // Collapse.* – Oxford: Urbanomic, 2007. – Vol. 3. – P. 306–449.
15. *Gratton P.* Speculative Realism: Problems and Prospects. – London: Bloomsbury, 2014. – 266 p.
16. *Meillassoux Q.* Iteration, Reiteration, Repetition : A Speculative Analysis of the Meaningless Sign. Unpublished version / transl. R. Mackay. – Berlin: Freie Universität, 2012. – URL: <https://s3.amazonaws.com/arena-attachments/886529/539a4b4a8c213179c159eefc04a28947.pdf> (accessed: 01.02.2022).
17. *Nietmoczynski L.* 21st Century Speculative Philosophy: Reflections on the “New Metaphysics” and its Realism and Materialism // *Cosmos and History.* – 2013. – Vol. 9, N 2. – P. 13–31.
18. *Young N.* On Correlationism and the Philosophy of (Human) Access: Meillassoux and Harman // *Open Philosophy.* – 2019. – Vol. 3 (1). – P. 42–52.

Статья поступила в редакцию 17.07.2021.

Статья прошла рецензирование 08.09.2021.

DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.1.1-82-99

ON THE CONCEPT OF CORRELATIONISM: MEILLASSOUX Q., HARMAN G., BRASSIER R.

Devaykin, Igor,

Postgraduate student at the Department of Ontology and Theory of Knowledge,

Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University,

27-4 Lomonosov Avenue, Moscow, GSP-1, 119991, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-8938-9566

Igor.devaykin@mail.ru

Abstract

Speculative realism is often associated with a group of thinkers who have consciously united around the idea of fighting a common enemy – correlationism. The article substantiates the thesis that there is no agreement among speculative realists both about correlationism and the ways to overcome it. Based on the works of Meillassoux, Harman and Brassier, the author demonstrates that their interpretations of correlationism and programs for its refutation are incompatible. It is suggested that the result of such incongruence of the concept of correlationism is the conviction of the philosophers of this direction in correlationism of each other.

The author considers Meillassoux's concept of the "Era of Correlation". From the point of view of Brassier, Meillassoux fails to substantiate the anti-correlationist thesis that human thinking is capable of cognizing non-subjective being. Rather, on the contrary, Meillassoux once again subordinates this being to thinking, and therefore remains a correlationist. Harman also accuses Meillassoux of correlationism for anthropocentrism.

The author also clarifies Harman's concept of the "philosophy of access". It is established that the concepts of correlationism in the interpretation of Harman and Meillassoux cannot be completely compatible. It is revealed that Harman remains a philosopher of the era of correlation for Meillassoux, because, firstly, he illegitimately attributes human characteristics to non-human beings. Secondly, it does not accept the correlationist argument of the circle and preserves the Kantian metaphysical dichotomy of the noumenal/phenomenal. Brassier also considers Harman a correlationist, since he ontologically equates natural science knowledge and scientific rationality with other types of knowledge.

The paper reveals the main features of correlationism in the interpretation of Brassier. It is established that for Meillassoux, the Brassier approach is correlationist on the same basis as the Harman approach. Harman, in turn, considers Brassier as a correlationist, since the latter postulates various ontological taxonomies, the most obvious among which are the priority of scientific rationality and anthropocentrism. According to the results of the work done, it is once again emphasized that speculative realists are by no means united in their understanding of correlationism and ways to overthrow this philosophical program.

Keywords: correlationism, era of correlation, philosophy of access, Brassier R., Meillassoux Q., Harman G., contemporary ontology, thing-in-itself.

Bibliographic description for citation:

Devaykin I. On the Concept of Correlationism: Meillassoux Q., Harman G., Brassier R. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2022, vol. 14, iss. 1, pt. 1, pp. 82–99. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.1.1-82-99.

References

1. Brassier R. Concepts and Objects. *Logos*, 2017, vol. 27, no. 3, pp. 227–262. (In Russian).
2. Brassier R. Speculative Autopsy. *Sigma*, 2016, 14 June. (In Russian). Available at: <https://syg.ma/@pavelborisov/rei-brassie-spiekulativnaia-autopsiia> (accessed 01.02.2022).
3. Kralechkin D. *O surguche i kapuste* [Of Sealing Wax and Cabbages]. *Logos*, 2014, no. 4 (100), pp. 293–318. (In Russian).
4. Lo D. Dve ontologii materializma: ot ne-filosofii k ne filosofii [Two Ontologies of Materialism: From Non-Philosophy to Non Philosophy]. *Gefter*, 2015, 22 June. (In Russian). Available at: <http://gefter.ru/archive/15520> (accessed 01.02.2022).
5. Meillassoux Q. *Après la finitude. Essai sur la nécessité de la contingence* [After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency]. Paris, Éditions du Seuil, 2006 (Russ. ed.: Meiyasu K. *Posle konechnosti: esse o neobkhodimosti kontingentnosti*. Moscow, Kabinetnyi uchenyi Publ., 2016. 196 p.).
6. Morozov A.V. Neopragmatizm i spekulativnyi realizm [Neopragmatism and Speculative Realism]. *Omskii nauchnyi vestnik. Seriya: Obschestvo. Istoriya. Sovremennost' = Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*, 2020, vol. 5, no. 2, pp. 129–136. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-2-129-136.
7. Harman G. *Weird Realism: Lovecraft and Philosophy*. Winchester, Zero Books, 2012. 278 p. (Russ. ed.: Kharman G. *Weird-realizm: Lavkraft i filosofiya*. Perm', Hyle Press, 2020. 258 p.).
8. Harman G. O zameshchayushchei prichinnosti [Vicarious causation]. *Novoe literaturnoe obozrenie = New Literary Review*, 2012, no. 2 (114), pp. 75–90. (In Russian).
9. Harman G. *Objectoriented ontology: new "theory of everything"*. London, Penguin, 2018. 304 p. (Russ. ed.: Kharman G. *Ob"ektno-orientirovannaya ontologiya: novaya "teoriya vsego"*. Moscow, Ad Marginem Publ., 2021. 272 p.).
10. Harman G. *Speculative Realism: An Introduction*. Cambridge, Polity, 2018. 190 p. (Russ. ed.: Kharman G. *Spekulativnyi realizm: vvedenie*. Moscow, Ripol klassik Publ., 2020. 290 p.).
11. Harman G. *The Quadruple Object*. Winchester, Zero Books, 2011. 148 p. (Russ. ed.: Kharman G. *Chetveroyakii ob"ekt: Metafizika veshchei posle Khaideggera*. Perm', Hyle-Press, 2015. 147 p.).
12. Brassier R. *Nibil Unbound: Enlightenment and Extinction*. London, Palgrave Macmillan, 2007. 275 p.
13. Brassier R. Prometheanism and its Critics. *#Accelerate: The Accelerationist Reader*. Oxford, Urbanomic, 2014, pp. 467–489.

14. Brassier R., Grant I.H., Harman G., Meillassoux Q. *Speculative Realism. Collapse*. Vol. 3. Oxford, Urbanomic, 2007, pp. 306–449.
15. Gratton P. *Speculative Realism: Problems and Prospects*. London, Bloomsbury, 2014. 266 p.
16. Meillassoux Q. *Iteration, Reiteration, Repetition : A Speculative Analysis of the Meaningless Sign*. Unpublished version / transl. R. Mackay. Berlin, Freie Universität, 2012. URL: <https://s3.amazonaws.com/arena-attachments/886529/539a4b4a8c213179c159eefc04a28947.pdf> (accessed 01.02.2022).
17. Niemoczynski L. 21st Century Speculative Philosophy: Reflections on the “New Metaphysics” and its Realism and Materialism. *Cosmos and History*, 2013, vol. 9, no. 2, pp. 13–31.
18. Young N. On Correlationism and the Philosophy of (Human) Access: Meillassoux and Harman. *Open Philosophy*, 2019, vol. 3 (1), pp. 42–52.

The article was received on 17.07.2021.

The article was reviewed on 08.09.2021.